

ГЕНОТИП СПРАВЕДЛИВОСТИ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ОБЩИНЕ: ПРАВДА СОКРАТА

А.Е. Kolomeitsev

GENOTYPE JUSTICE IN ANCIENT GREEK PHILOSOPHY: TRUTH SOCRATES

В условиях разлагавшейся аристократии и хаотичной демократии античного общества роль Сократа была незаменимой. Дух растления царил в Древней Греции. Нравственный упадок был характерен для развивавшейся философии и объективированной науки. Закончился золотой век правления Перикла (444–429 гг. до н.э.), когда Афины достигли зенита своего внутреннего благосостояния и внешнего могущества, а город стал центром греческой демократии и греческой культуры. Сократу было 65 лет (род. в 469 г. до н.э.), когда Афины потерпели поражение в Пелопоннесской войне (431–404 гг. до н.э.) и утратили былую роль великой державы. Сократ явился свидетелем величия и падения Афин. Гражданская война привела к духовной разрухе. Началось брожение в государственном обустройстве и в настроении умов. По словам Фукидида, Пелопоннесская война, вызвавшая величайшее движение среди греков и большинства других народов, явилась «началом великих бедствий для эллинов» (Фукидид. История, II 12, 3).

Начавшийся в последней четверти V в. до н.э. острый кризис полисной системы и всей культурной жизни греков сопровождался распространением субъективистских и релятивистских учений софистов. Эти новые учения, будившие мысль и укреплявшие авторитет знаний и просвещения, наносили, вместе с тем, серьезный удар по правовым и политическим устоям общества, подрывали традиционные верования народа, его нравственные ориентиры и ценностные установки. В данных условиях Сократ, в отличие от консервативно настроенных деятелей своего времени, например Аристофана, видел средство укрепления общества и его духовных

основ не в ограждении традиций и заветов отцов от критики, от посягательства на них со стороны софистов и кого бы то ни было, а в познании человеческих дел, в осмыслении внутреннего мира человека, в поиске первоначал его поведения и поступков. «Кто изучает дела человеческие, надеется сделать то, чему научится, как себе, так и другим», – говорит Сократ у Ксенофонта (Ксенофонт. Воспоминания, I 1, 15).

Знание – вот та сила, которая должна управлять человеком как в служении отечеству, так и в управлении собой. Для Сократа знания и поступки, теория и практика едины: знание (слово) определяет ценность дела, а дело утверждает ценность знания. Отсюда и его уверенность в том, что истинные знания и подлинная мудрость, доступные человеку, неотделимы от справедливых дел и других проявлений добродетели. Правдой для Сократа являлась та истина, которая руководит человеком в его движении к справедливости: как жизненный компас – в его жизненном пути. С точки зрения Сократа, нельзя назвать философом того, кто обладает знаниями и мудростью, но, судя по его образу жизни, лишен добродетели. В диалоге Платона «Менексен» (247 а) он утверждает: «И всякое знание, отделенное от справедливости и другой добродетели, представляется плутовством, а не мудростью».

«Таким образом, одним из отличительных признаков истинной философии и подлинного философа является, по Сократу, признание единства знания и добродетели. И не только признание, но также стремление к реализации этого единства в жизни» [1, с. 56]. Сообразно с этим философия в понимании Сократа не сводится к чисто теоретической деятельности, но включает в себя также практическую деятельность – правильный образ действия, благие поступки, как то, что ксенофоновский Сократ определяет посредством термина *eupraxia* (буквально – «бла-

¹ Кандидат философских наук, доцент кафедры философии образования Московского института открытого образования.

© Коломейцев А.Е., 2014.

гая деятельность», «благое дело», «хорошая практика»). Словом, мудрость есть добродетель, т.е. знание о добре, которое включает в себя внутреннее переживание добра и потому побуждает к благим (= хорошим) поступкам и удерживает от плохих (= дурных).

В глазах Сократа науки о человеке обладают огромным преимуществом перед науками о природе: изучая человека, они дают ему то, в чем он более всего нуждается, – познание самого себя и своих дел, определение программы и цели своей жизни, ясное осознание того, что есть добро и зло, прекрасное и безобразное, истина и заблуждение. Знание и понимание этого, согласно Сократу, делает людей благородными. Главную ценность знаний о добре и зле, о хорошем и плохом Сократ видел в их непосредственной действительности и активности, в их прямом воздействии на человека. По словам платоновского Сократа, знание, которое относится к области добродетели, «способно управлять человеком, так что того, кто познал хорошее и плохое, ничто уже не заставит поступать иначе, чем велит знание» (Платон. Протагор, 352 с).

«Жил в Афинах сын камнереза и повивальной бабки. Письменных трудов не оставил. Диалоги Платона и Ксенофонта – важнейшие источники для изучения деятельности Сократа как философа и воспитателя» [3, с. 535]. «У Сократа космологическая натурфилософия греков сменяется антропологической этикой, в то же время он критикует этический релятивизм софистов. Целью его философии было испытание человека, образование юношей и руководство душой, а путем к этому – духовная майевтика (буквально – повивальное искусство) и ирония. Его философия основана на том, что нравственное можно познать и усвоить, а из знания нравственности следуют всегда действия в соответствии с ней. В этом смысле Сократ старался на примере каждого отдельного случая образовать у человека ясное понятие об истинно-нравственном. Но таковым является то действие, которое дает человеку истинную пользу, а вместе с тем и истинное блаженство [умиротворение]. Поэтому предпосылкой практической приспособленности является самопознание. Если я знаю, что именно я есть, то, согласно Сократу, я знаю также, чем я должен быть. Но в себе самом Сократ находит также и некий внутренний голос, некое божественного *daimonion* [дух народа], который ему подсказывает, что он должен делать и чего должен избегать. Наибольшей добродетелью является умеренность [скромность]: чем меньшим довольствуешься, тем ближе находишься

к божеству. Но только тот, кто научится управлять собой и во всех без исключения случаях придерживается правильного понимания, может повелевать другими и быть государственным мужем. Никогда не доверил бы я, говорит Сократ, свою жизнь кормчему или врачу, не изучившим свое искусство, но о важнейших делах человеческих – о политике и управлении государством – почему-то каждый считает себя вправе судить и участвовать в них. В конце концов, Сократ, обвиненный в неверии в государственных богов, в поклонении новым богам и развращении юношей, был приговорен к смерти и казнен, ибо из уважения к закону не пожелал бежать» [5, с. 413].

Понимание добросовестности и благочестия как божественных начал в душе человека стало делом убежденности Платона, которая покоится на вере как своем основании. Бог Платона – это творец добра, работающий для народа – Демиург. Здесь мы видим явное педагогическое влияние Сократа на своего ученика – Платона. Вот что пишет В.С. Соловьев по этому вопросу: «Для Платона философия была прежде всего жизненной задачей» [4, с. 585]. «Личность и образ мыслей Платона сложились под преобладающим влиянием Сократа, но не были поглощены им» [4, с. 585]. «В некоторых диалогах действительно Сократ владеет творчеством Платона и воплощается в нем со всею полнотою художественной правды, и речи Сократовы здесь – его настоящие речи, только прошедшие через прямо открытую для них мысль Платона, получившие от нее, может быть, несколько новых черточек и красок, но сохранившие все свое существо. Однако в других – в большей части диалогов – Сократ есть только принятый раз навсегда литературный прием, обычный псевдоним Платона – псевдоним иногда неудачный, – когда ему приходится говорить такие речи, которых действительный Сократ не только не говорил, но и не мог бы говорить: например, когда воображаемый Сократ серьезно рассуждает о метафизических и космологических вопросах, которые действительный Сократ признавал бесплодными и не стоящими внимания, но которыми Платон стал особенно интересоваться много времени после смерти учителя и под другими разнородными влияниями» [4, с. 584]. Что же такое Сократ, в чем самая сущность его значения? Сократ был *tertium quid*, третьей искомой и ищущей стороной пошатнувшейся в своих основах греческой жизни – стороной справедливой, беспристрастной, примиряющей две другие враждующие стороны (софисты и хранители) и потому непримиримо ненавидимой обеими. Дело шло о самом принципе жиз-

ни человеческой, которая у древних греков, как и вся языческая жизнь, покоилась на двойном, но нераздельном устое религиозного и государственного закона. Отеческие боги и отеческий уклад общежития – только два выражения, две стороны одного жизненного начала. Корень – общий: святыня домашнего очага с нераздельным от него культом предков.

«Такая нетронутая, райская цельность жизненного сознания не могла быть долговечной, – продолжает Вл. Соловьев. – Она держалась на факте непосредственной и безотчетной веры людей: в действительность и силу родовых и городских богов, в святость и божественность родного города. И с какого из двух концов ни поколебать эту двойную веру – рушится зараз все здание» [4, с. 586]. Чтобы выполнять законы государства (права) и каноны церкви (религии), надо верить в их обязательность и действенность, их святость и необходимость. В противном случае они решительным образом не выполняются людьми. «Итак, нужно, чтобы двойная вера, на которой держится бытовой уклад данного общества, была неприкосновенна вполне. Но как же это сделать? Вера, когда она есть только факт, принятый чрез предание, есть дело чрезвычайно непрочное, неустойчивое, всегда и всем застигаемое врасплох. Исключительно фактическая, слепая вера несообразна достоинству человека [а в историческом напоминании следует сказать о том, что], именно религии, основанные на одной фактической, слепой вере или отказавшиеся от иных, лучших основ, всегда кончали или дьявольской кровожадностью [бесовства], или скотским [животным] бесстыдством. Слепая и безотчетная религия обидна прежде всего для своего предмета, для самого божества, которое не этого требует от человека. Как безграничное благо, лишненное всякой зависти, оно вложило в телесный образ человеческого общежития его живую душу и двигательницу жизни – философию – не для того, чтобы даром и в готовом виде получил человек вечную истину и блаженство, а для того, чтобы трудовой путь человеческий к истине и блаженству огражден был с двух сторон – и от суеверного демонского трепета, и от тупой животной безотчетности» [4, с. 586]. Суть философии состоит в том, что она является родительницей светлой веры, когда истину следует понимать как наличие света в душе человека, и «эту заслугу философии высоко ценили [позже] носители истинной светлой веры» [4, с. 587]. Для хранителей же темной веры греческая философия, как впоследствии и христианская религия, казалась атеизмом. Для охранительного ума толпы и ее

правителей разумное начало Сократовой веры «было явным потрясением основ и вызывало соответствующее противодействие» [4, с. 588].

Вся сила той критики, которую древнейшая, т.е. досократовская, философия обращала на богов и уставы отеческие, может быть выражена одним словом – относительность. Отвергнув или отодвинув на второй план данные традиционные устои жизни человеческой, первые философы утверждали открываемые разумом первоосновы жизни всемирной, космической – от воды и воздуха первых ионийцев до равновесия единящей и разделяющей силы у Эмпедокла, до Анаксагорова мирового ума и Демокритовых атомов и пустоты. Одновременно за последние два века умственного движения в досократовской Греции народился целый класс людей с формально развитыми мыслительными способностями, с литературным образованием и с живым умственным интересом – людей, утративших всякую веру в расшатанные традиционные устои народного быта, но при этом не имевших нравственной гениальности, чтобы отдаться всею душою исканию лучших, истинных норм жизни. «Эти люди, которых пронизательность общественного сознания сразу и связала с философией и отделила от нее особым названием софистов, жадно схватились за то понятие относительности, которым философы подрывали темную веру; возведя это понятие в неограниченный всеобщий принцип, софисты обратили его острие и против самой философии, пользуясь видимо противоречивостью размножившихся философских учений. Не только верования и законы городов, провозгласили софисты, но все вообще относительно, условно, недостоверно; нет ничего хорошего или худого, истинного или ложного по существу, а все только по условию или положению, и единственным руководством во всяком деле, за отсутствием существенных и объективных норм, остается только практическая целесообразность, а целью может быть только успех. Искать практического успеха всеми возможными средствами – вот единственное настоящее содержание жизни» [4, с. 590]. «Софисты, верившие в одну удачу, могли быть побеждены не разумными аргументами, а только фактической неудачей своего дела. Им не удалось убедить Грецию в правоте своего абсолютного скептицизма и не удалось заменить философию риторикой. Явился Сократ, которому удалось осмеять софистов и открыть философии новые и славные пути. Понятна вражда софистов к Сократу» [4, с. 591].

Естественною казалась бы вражда между теми, кто стоял за неприкосновенность тради-

ционных верований и жизненных норм (как охранители), и теми, кто (как софисты) были отрицателями по преимуществу, отрицали без исключения все определяющие начала общежития, принципиально отвергали самую возможность таких начал, т.е. каких бы то ни было устоев жизни и мысли. Но их связывало то, в чем они были неправы. «Перед Сократом утихла поверхностная вражда между охранителями и софистами, и два прежних противника соединили свои усилия, чтобы избавиться от одинаково им ненавистного олицетворения высшей правды» [4, с. 592]. Правда здесь выступает как суть истины, как ее идея, оживленная и вдохновленная силою веры, которая освящает ее жизнь. Светлая вера. Живая истина в душе человека. Зрячая вера. Как видимая руководящая нить. Думаем ведь – по истине, а живем, однако, – по правде. А между тем со стороны Сократа вовсе не было безусловной, непримиримой вражды ни к принципу софистов, ни к принципу охранителей отеческого предания и закона. Он искренно и охотно признавал те доли правды, которые были у тех и у других. Он действительно был третьим, синтетическим и примиряющим началом между ними. Вместе с софистами он стоял за право и за необходимость критического и диалектического исследования; как и они, он был против слепой безотчетной веры, не хотел ничего принимать без предварительного испытания. Но с другой стороны, он признавал смысл и правду и в народных верованиях, и в практическом авторитете отеческих законов. И свое благочестие и свою патриотическую лояльность он показывал на деле до самого конца, а отказом бежать из темницы после смертного приговора он поставил свои обязанности к родному городу выше сохранения самой жизни.

Сократ указывал, а главное доказывал неопровержимым образом умственную несостоятельность своих противников, и это была, конечно, вина непрощенная. Охранителям Сократ как бы говорил так: «Вы совершенно правы и заслуживаете всякой похвалы за то, что хотите охранять основы гражданского общежития, – это дело самое важное. Прекрасно, что вы охранители, беда лишь в том, что вы – плохие охранители: вы не знаете и не умеете, что и как охранять. Вы действуете ощупью, как попало, подобно слепым. Слепота ваша происходит от самомнения, а это самомнение хотя несправедливо и пагубно для вас и для других, однако заслуживает извинения, ибо зависит не от злой воли, а от вашей глупости и невежества». Пока охранители могли видеть в своих противниках (софистах) людей

безбожных и нечестивых, они сознавали свое внутреннее превосходство и заранее торжествовали победу: могло казаться в самом деле, что они стоят за саму веру и само благочестие; была видимость принципиального, идейного спора, в котором они представляли положительную, правую сторону. Но при столкновении с Сократом положение совершенно менялось: нельзя было отстаивать веру и благочестие как таковые против человека, который сам был верующим и благочестивым, – приходилось отстаивать не саму веру, а только отличие их веры от веры Сократовой, а отличие это состояло в том, что вера у Сократа была зрячая, а у них – слепая. Сразу обнаруживалась таким образом недоброкачественность их веры, а в их стремлении непременно утвердить именно эту порочную слепую веру проявлялась слабость и неискренность ее. «Во имя чего они [хранители] могли стоять именно за темноту веры? Во имя ли того, что всякая вера должна быть темною? Но вот тут налицо был Сократ, наглядно опровергавший такое предположение самым фактом своей светлой, зрячей веры. Ясно было, что они стояли за тьму не в интересах веры, а в каких-то иных, чуждых вере интересах. Что же охранялось такими охранителями и что ими двигало? Ясно, что даже не страх божий, а лишь страх за тот старый, привычный бытовой строй, который был исторически связан с данною религией» [4, с. 594].

Сократ самым фактом своей положительной и вместе с тем бесстрашной и светлой веры обличал внутреннюю негодность такого безверного и гнилого консерватизма. И опять-таки самым фактом безусловного критического и вместе с тем совершенно положительного отношения своего мышления к действительной жизни он обличал внутреннюю несостоятельность софистической псевдокритики. Софистам Сократ как бы говорил: «Прекрасно вы делаете, что занимаетесь рассуждениями и все существующее и несуществующее подвергаете испытанию вашей критической мысли; жаль только, что мыслители вы плохие и вовсе не понимаете ни целей, ни приемов настоящей критики и диалектики». Пока софисты имели против себя или народные массы, или людей хотя высшего класса, но мало причастных философскому движению и неискусных в диалектике, то могло казаться, что софистика представляет собою права прогресса против народной косности, права мысли против умственной неразвитости, права знания и просвещения против темного невежества. «Но когда против софистического разгрома всех жизненных начал вооружался мудрейший из эллинов,

человек во всяком случае большей умственной силы и диалектического искусства, чем они, то все увидели, что чисто отрицательный характер их рассуждений зависел не от необходимости мышления человеческого, а в лучшем случае от неполноты и односторонности их взглядов и приемов, – ясно стало, что причина здесь не в мышлении и критике, а лишь в плохом мышлении и плохой критике» [4, с. 594].

Итак, вина Сократа помимо всякой прямой полемики против охранителей и разрушителей состояла в том, что самая точка зрения его открывала идейную наготу и тех и других. «В нем был луч истинного света, открывающего и себя самого, и чужую тьму. Перед лицом лжехранителей, утверждавших, что должно безусловно, без всяких рассуждений принимать народные верования и повиноваться отеческим уставам потому только, что они даны и установлены, положены прежде нас, и перед лицом лжемыслителей, учивших, что никакой безусловной обязанности не может быть, что не нужно повиноваться вовсе ничему, а только искать своей выгоды и успеха, – перед этою двойною ложью Сократ и словами, и жизнью своей утверждал: есть безусловная обязанность, но лишь к тому, что само безусловно, что по существу и, следовательно, всегда и везде хорошо или достойно; и есть оно, это безусловное, есть существенная норма для жизни человеческой, есть Добро само по себе. Оно одно поистине желательно, или есть высшее благо для человека, основание и мерило всех других благ, и на нем только как на безусловной правде и критерии всего справедливого должно быть построено человеческое общежитие» [4, с. 595]. Истинное – знают, а в должное – верят. Добро есть «я» – в зеркале Бога. Что безусловное Добро есть и что подлинно есть только то, что достойно быть, – в это Сократ верил, но его вера не была слепой, а совершенно разумной, во-первых, уже потому, что это была собственно вера в разум, требующий, чтобы существующее было сообразно ему, имело смысл, или было достойно бытия; а во-вторых, вера Сократа имела рациональный характер и потому, что искала своего осуществления или оправдания во всем и для этого непременно требовала последовательной работы мыслящего ума.

«Веря в бытие безусловного Добра, Сократ не снабжал его заранее никакими ближайшими определениями; оно было для него не данным в готовом виде, а искомым; но нельзя что-нибудь искать, если не веришь, что оно есть» [4, с. 596]. Согласно разумной вере, безусловное Добро есть само по себе; но обладание им не дано че-

ловеку безусловно, а требует необходимых условий. Цель впереди, и нужен процесс ее достижения. Предполагается Сократом лишь общее понятие о том, что, будучи хорошо само по себе, может и все другое сделать хорошим. Чтобы действительно достигнуть того, что единственно достойно достижения, первое условие – отвергнуть все, что не таково, вменить все прочее в ничто. «Я знаю только, что ничего не знаю» – за это исповедание Пифия провозгласила Сократа мудрейшим из эллинов. Объявление о своем незнании было для Сократа лишь первым началом его искания, духовная нищета вызывала в нем духовный голод и жажду. «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Матф 5, 6). Но кто познал свое незнание, тот уже нечто знает и может знать больше; ты не знаешь – так узнавай; не обладаешь правдой – ищи ее; когда ищешь, она уже при тебе, только с закрытым лицом, и от твоего умственного труда зависит, чтобы она открылась. «Это требование внутреннего подвига от человека при неустанном духовном подвижничестве самого Сократа в искании правды, обличая темную косность охранителей и праздно движущееся софистов, у тех и у других отнимало возможность быть самодовольными. А кто покушается на самодовольство темных или пустых людей, тот сначала человек беспокойный, потом нестерпимый, наконец, преступник, заслуживающий смерти» [4, с. 597].

Сократ должен был умереть как преступник. Вот трагический удар в самом начале жизненной драмы Платона. Хотя эти действия и происходили ранее христианства, но положение определяется в них уже на духовной почве. Убит отец, но не кровный, а духовный, воспитатель в мудрости, отец лучшей души. Это еще личное, хотя и высокое отношение. Но вот уже сверхличное: убит праведник. Убит не груболичным злодеянием, не своекорыстным предательством, а торжественным публичным приговором законной власти, волею отечественного города. И это еще могло бы быть случайностью, если бы праведник был законно убит по какому-нибудь делу, хотя невинному, но постороннему его праведности. Но он убит именно за нее, за правду, за решимость исполнить нравственный долг до конца. Судьба Сократа была решена следующими его словами к судьям: «Вас, мужи афинские, я уважаю и люблю, но слушаться буду бога больше, чем вас, и, пока есть во мне дыхание и силы, не перестану философствовать и вас увещивать и обличать обычными своими речами» [2, с. 98]. «Трагизм [ситуации состоял] в том, что лучшая общественная среда во всем тогдашнем

человечестве – Афины – не могла перенести простого, голого принципа правды; что общественная жизнь оказалась несовместимой с личной совестью; что раскрылась бездна чистого, беспримесного зла и поглотила праведника; что для правды смерть оказалась единственным уделом, а жизнь и действительность отошли к злу и лжи» [4, с. 602].

Смерть Сократа, когда ее переболел Платон, породила новый взгляд на мир – платонический идеализм. Первое основание, «большая посылка» этого взгляда содержалась в учении Сократа; меньшая посылка была дана его смертью; гений Платона вывел заключение, которое осталось скрытым для других учеников Сократа. «Тот мир, в котором праведник должен умереть за правду, не есть настоящий, подлинный мир. Существует другой мир, где правда живет. Вот действительное жизненное основание для Платонова убеждения в истинно-сущем идеальном космосе, отличном и противоположном призрачному миру чувственных явлений. Свой идеализм – а это вообще мало замечалось – Платон должен был вынести не из тех отвлеченных рассуждений, которыми он его потом пояснял и доказывал, а из глубокого душевного опыта, которым началась его жизнь» [4, с. 605]. Истина убежденности обретает свою жизненную силу через посредство веры. Ранее противоположности между «сущим по существу» и призрачно «бываемым», кажущимся, или явлением, – ранее этой диалектической и метафизической противоположности – почувствовал Платон, под влиянием учения и в особенности смерти Сократа, – этическую противоположность между должным и действительным, между истинным нравственным порядком и реальным строем данного общества. Истина существования и истина долженствования: прагматики и материалисты живут по истине существования – исходя из того, «что есть»; а романтики и идеалисты живут по истине долженствования – следуя тому, что «должно быть»: индивидуальному успеху и отношениям выгоды «первых» – противостоит социальное благо и действия по совести «вторых».

Под влиянием смерти Сократа, открывшей перед глазами его ученика всю бездну мирского зла, у Платона сложился, как было сказано, дуалистический идеализм, прямо по существу противопологающий всю нашу живую действительность тому, что истинно есть и что должно быть. В телесной и практической жизни нет ничего подлинного и достойного; все подлинное и достойное пребывает в своей чистой идеальности, за пределами этого нашего мира: оно транс-

цендентно по существу, и нет настоящего моста между этими двумя мирами. Мир непосредственной данности лежит во зле; тело есть темница для духа; общество есть гроб для мудрости и правды; жизнь истинного философа есть постоянное умирание. «Но это умирание житейских интересов дает место не пустоте, а лучшей жизни ума, созерцающего то, что есть само по себе безусловное. Добро – то, чего Сократ искал как нравственной нормы для практической, общественной жизни, но что для Платона стало теперь предметом пока лишь чисто теоретического интереса, как верховная идея, средоточие иного, “умопостигаемого” мира» [4, с. 606]. Виртуальный мир Платона – это мир добра и блага, истины и правды, доблести и чести, таланта и могущества человека. Вдохновляющий и воодушевляющий мир. Он в нас. «У подлинного или нормального человека, – полагает Платон, – т.е. мудрого и праведного, истинное его существо – ум созерцающий – обращено исключительно и всецело к иному, запредельному свету; такой человек, по-настоящему, живет лишь в космосе идей, а на земле его призрачная жизнь, общая с другими людьми, есть для него только умирание. Когда это хроническое умирание завершается острым, случайная связь порывается окончательно и безусловно, и освобожденный из житейской тюрьмы философский ум, отряхая прах от ног своих, всецело и без оглядки переходит в идеальный космос и вступает в общение с другими пребывающими там чистыми умами» [4, с. 611]. Так осуществляется, по Платону, трансцендентный переход ума в безразмерное информационное пространство. Верный своему учителю, он всемерно возвышал имя Сократа и повсеместно поддерживал память о нем. Именно Платон сделал своего учителя главным персонажем почти всех своих произведений, а его диалоги – «Апология», «Критон» и «Федон» – стали непреходящим и культурно безупречным памятником Сократу как олицетворению человечности, стойкости, бесстрашия и справедливости.

Литература

1. Кессиди Ф.Х. Сократ. – М. : Наука, 1988.
2. Платон. Сочинения : в 3-х т. – М. : Мысль, 1968. – Т. 1.
3. Словарь Античности. – М. : Прогресс, 1989.
4. Соловьев В.С. Сочинения: в 2-х т. – М. : Мысль, 1988. – Т. 2.
5. Философский словарь: Основан Г. Шмидтом. – М. : Республика, 2003.